

FSC И СООБЩЕСТВА КОРЕННЫХ НАРОДОВ: АНАЛИЗ КРИТЕРИЕВ ИНДИКАТОРА 3.1.1 НАЦИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА ЛЕСУПРАВЛЕНИЯ FSC ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ТРЕХ ОБЩИН КОРЕННЫХ НАРОДОВ

DOI: 10.47364/2308-541X_2022_68_1_22

А. В. ЛЕБЕДЕВ, ООО «БРОК»;
В. Т. СЕМЯШКИНА, МОД коми-ижемцев «Изьватас»;
М. С. ТЫСЯЧНОК, Университет Восточной Финляндии

Как известно, значительную часть населения планеты составляют коренные народы, для сообществ которых характерна историческая привязанность к своим землям, поскольку они являются потомками исконных жителей этих земель. При этом, как сказано в документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Повестка дня на XXI век, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года), понятие «земли» в данном случае «охватывает также окружающую среду территорий, на которых традиционно проживают соответствующие народы». Согласно Повест-

ке дня на XXI век, а также некоторым другим документам, принятым на международном уровне, мировое сообщество, учитывая «взаимосвязь между состоянием природной среды и устойчивым развитием и культурным, социальным, экономическим и физическим благополучием коренных народов», обязано уделять должное внимание, «в рамках национальных и международных усилий», обеспечению экологически безопасного и устойчивого развития сообществ коренных народов, признавать и укреплять роль сообществ коренных народов в управлении ресурсами на территории их исконного проживания.

Исконные земли многих коренных народов, в том числе и в России, исторически находятся в лесной зоне, соответственно, развитие промышленного освоения лесов не может не оказывать воздействия на традиционную среду обитания и в целом на жизнь коренных сообществ.

Не случайно в Стандарте лесопроизводства FSC область взаимодействия с коренными народами выделена и описана в отдельном Принципе (Принцип 3).

Однако для российских держателей сертификата лесопроизводства FSC отнесение того или иного местного сообщества к сообществам коренных народов усложнено тем, что в российском законодательстве статусом коренного народа наделены только те, общая численность которых составляет не более 50 тыс. человек (КМНСС и ДВ). В то же время многие сообщества коренных народов, численность которых превышает 50 тыс., продолжают жить на исконных землях своих предков и заниматься традиционным хозяйствованием.

Поэтому, согласно директиве к индикатору 3.1.1. нового Национального стандарта лесопроизводства FSC для Российской Федерации (далее — стандарт лесопроизводства), к **сообществам коренных народов** следует относить группы людей, которые соответствуют таким критериям, как **самоидентификация на уровне отдельного человека и признание его сообществом в качестве своего члена; исторически непрерывная связь с сообществами данного народа, проживавшими на этой территории до ее заселения другими народами и (или) на протяжении нескольких веков; зависимость от природных ресурсов территории как источника жизнеобеспечения; образ жизни, способствующий поддержанию и воспроизводству традиционной для данного народа среды обитания и самобытного уклада жизни, основанного на традиционном природопользовании; недоминантное положение в обществе.**

И эти группы людей могут быть представителями коренных малочисленных народов, а могут и не быть таковыми. Важно другое: они должны соответствовать всем пяти описанным в директиве критериям.

Как данные критерии проявляются на примере конкретных сообществ коренных народов?

Для проведения апробации индикатора 3.1.1 стандарта лесопроизводства выбраны три сообщества: община удэгейцев «Буа Хони», зарегистрированная и действующая в Красноармейском муниципальном районе Приморского края; община эвенков села Токма в Катангском районе Иркутской области; община коренного народа «Удорачи» в Удорском муниципальном районе Республики Коми. При этом две первые — общины коренных малочисленных народов, третья такого статуса не имеет (удорачи — этнографическая группа народа коми, который не относится к КМНС).

Семейная община коренного малочисленного народа удэгейцев «Буа Хони» зарегистрирована и дей-

ствуется в поселке Рошино Красноармейского района. Этот район — одна из крупнейших лесозаготовительных территорий таежного Приморья, на которой также действует самое крупное предприятие FSC-сертифицированного холдинга «Тернейлес» — Рошинский КЛПХ (площадь аренды — 473 тыс. га, преимущественно в кедровых лесах центрального Сихотэ-Алиня). Семейная община «Буа-Хони», созданная согласно Федеральному закону от 20.07.2000 № 104-ФЗ, состоит из 83 человек, из них удэгейцев — 44 (24 — дети).

Родовая община «Токма» объединяет 26 охотников из села Токма (данные 2016 года). На начало 2020 года в Токме проживало всего около 40 человек. Село расположено на р. Непа и входит в состав Непского муниципального образования Катангского района, заселенного эвенками и русскими. В начале XVII века численность эвенков составляла здесь 320 человек, они занимались охотой, оленеводством, рыболовством и собирательством. В середине XVII века на территорию Токмы пришли первые русские промысловики.

В советское время здесь работало отделение кооперативно-зверопромыслового хозяйства (промхоза), где были трудоустроены все местные охотники. Продукция продавалась государству, государство снабжало промхоз продовольствием и снаряжением, которое доставлялось вертолетами прямо на охотничьи угодья. Одновременно геологоразведочная экспедиция начала на этой территории поиск углеводородов, после чего в район пришли нефтяники, что в целом способствовало социально-экономическому развитию района, в том числе Токмы.

Лесозаготовительные работы в Катангском районе начались в 2000-х годах. Именно в связи с этим в 2003 году была зарегистрирована община «Токма». В 2009 году община получила лицензию на традиционную охоту и закрепленные за членами общины охотничьи угодья. Территория родовой общины «Токма» составляет 1 671 тыс. га. У каждого охотника есть собственное охотничье угодье размером около 32 тыс. га. На этих угодьях эвенки охотились до советских времен, в советские времена и в настоящее время. Лесозаготовительная и нефтяная компании заключают с общиной договоры с оговоренной суммой компенсации ущерба. Кроме того, они оказывают спонсорскую поддержку социальным объектам села.

Территориально-соседская община коренного народа «Удорачи» создана в 2006 году по инициативе местных жителей сельских населенных пунктов Удорского района Республики Коми: учредителями выступили семь человек — представители сел Большая Пысса, Чернутаево, деревень Малая Пысса, Политово, Патраково, Латыюга, Мелентьево (протокол собрания от 15.03.2006). Причина — опасения за сохранность охотничьих угодий, оказавшихся в аренде АО «Монди Сыктывкарский ЛПК» — самой крупной в республике лесопромышленной компании, держателя сертификата FSC.

Чтобы воспользоваться механизмом сертификации по схеме FSC для защиты своих прав и интересов в сфере традиционного лесопользования, важно было заявить о себе как о коренном сообществе. Община создана в соответствии с Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» как автономная некоммерческая организация, деятельность которой в соответствии с ее уставными целями осуществляется в пределах территории муниципального района Удорский. Община не является юридическим лицом и не имеет членства, объединяет жителей сел и деревень Удорского района, «осуществляющих традиционное хозяйствование, ведущих традиционный образ жизни, занимающихся

традиционными промыслами и поддерживающих традиционную культуру удорских коми (удорачи)».

Как же проецируется на три общины и как «проявляется» каждый из пяти сформулированных в стандарте лесопользования критериев на их примере?

КРИТЕРИЙ 1 — САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ НА УРОВНЕ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА И ПРИЗНАНИЕ ЕГО СООБЩЕСТВОМ В КАЧЕСТВЕ СВОЕГО ЧЛЕНА

Родовая община «Токма» представляет собой общинную форму самоорганизации эвенков, коренного населения Катангского района Иркутской области. Однако в общине есть и русские, даже лидер общины русский. Тем не менее все охотники, входящие в общину, считают себя эвенками либо приравненными к эвенкам, т. е. единым сообществом общины «Токма». Факт принадлежности охотника к общине свидетельствует о том, что каждый член принят сообществом. Эвенкийский охотник объясняет: «Сейчас больше русских. А в общине они приравнены, можно сказать, к коренному населению. Ну, сейчас... земляки мои, конечно» (из интервью 2019 года).

Каждый член общины имеет свои охотничьи угодья и не охотится на соседних, уважая права других общинников. Угодья закреплены за семьями с досоветских времен. Несмотря на то что в общину входят как русские, так и эвенки, администрация Катангского района приравнивает русских, входящих в общину, к эвенкам, уважая самоидентификацию членов общины. Компании, как лесозаготовительная (применяет Принцип 3), так и нефтедобывающая (применяет стандарты Европейского банка реконструкции и развития), признают общину эвенкийской, несмотря на наличие в ней граждан русской национальности.

Семейная община удэгейцев «Буа Хони» объединяет как чистокровных удэге, у которых оба родителя удэгейцы, так и полукровок, которых в общине большинство, а также старожилов других национальностей, связанных с удэгейцами узами брака или иным родством. Община признает своими членами и тех, и других, и третьих. При этом следует отметить, что в процессе внешних контактов далеко не все и не всегда признают самоидентификацию даже чистокровных удэге (хотя их всякий может признать уже по внешним признакам), предпочитая иметь дело не с человеком, а с общиной, точнее, с ее лидером. Полукровки для подкрепления самоидентификации в процессе до-

© А. Лебедев

Семья удэге (община «Буа Хони», с. Рошино, Приморье)

казывания своих особых прав властям обычно хранят семейные документы родителей и предков, в которых есть запись «удэгейц». Для представителей сообщества неудэгейцев единственный способ идентификации себя в качестве представителя КМНС — коллективная идентификация, т. е. официальное подтверждение своего членства в общине.

Территориально-соседская община коренного народа «Удорачи» объединяет жителей Удорского района, проживающих в удаленных лесных деревнях и селах, где практически полностью или в значительной степени сохранена система родовых охотничьих угодий, право владения которыми передавалось из поколения в поколение, но на законодательном уровне никак не закреплено. Здесь жива практика традиционной охоты, а также другие элементы традиционного хозяйствования. Абсолютное большинство жителей этих населенных пунктов — удорские коми (удорачи). В селе Большая Пысса, например, граждан других национальностей — не более 5 % от общего числа жителей. Вопрос самоидентификации как удорских коми (удорачей) для них не только важен, но и очевиден. Более того, он очевиден и для сообщества, где все знают друг друга. Причем сообщество обычно знает не только, кто есть кто, кто чьим сыном, внуком и т. д. является (об этом говорят фамилии, родословные, историческая память), но и где чьи охотничьи угодья располагаются.

Разумеется, есть в селах и деревнях удорских коми и смешанные браки, и некоренные жители, в основном приехавшие сюда в советское время по распределению специалисты. Следует отметить, что сообщество коренного народа — община «Удорачи» охотно признает такого человека в качестве своего члена в том случае, если человек с уважением относится к укладу, языку, традициям коренного народа, если он сам считает себя членом данного сообщества. Каких-то сложностей, спорных ситуаций при оценке этнической принадлежности человека, как правило, не возникает. Тем более что у удорских коми (так же, как и у других этнографических групп коми) нет никаких законодательно закрепленных особых прав как у коренного народа, поэтому нет и ситуаций, при которых было бы необходимо подкреплять самоидентификацию документально или каким-либо иным образом, доказывая свои права представителям власти.

КРИТЕРИЙ 2 — ИСТОРИЧЕСКИ НЕПРЕРЫВНАЯ СВЯЗЬ С СООБЩЕСТВАМИ ДАННОГО НАРОДА, ПРОЖИВАВШИМИ НА ЭТОЙ ТЕРРИТОРИИ ДО ЕЕ ЗАСЕЛЕНИЯ ДРУГИМИ НАРОДАМИ И (ИЛИ) НА ПРОТЯЖЕНИИ НЕСКОЛЬКИХ ВЕКОВ

Территория, где находятся **община «Токма»** и одноименное село, была заселена кочевыми эвенками задолго до прихода русских. Только в XVII веке русские промысловики стали заходить на территорию Катангского района, а в середине XVIII века в этом регионе обосновались русские крестьяне Киренского Троицкого монастыря, позже сюда стали проникать крестьяне Макаровской волости Киренского уезда, которые строили зимовья в верховьях Непы и заготавливали сено. Только в начале XIX века на Непе появились поселения: выселок Токма образовался в 1802 году. Из этого следует, что эвенки Токмы заселили этот район раньше русских и живут в нем на протяжении нескольких веков.

Для чистокровных удэгейцев и полукровок **общины «Буа Хони»** историческая связь с сообществами данного народа, проживавшими на этой территории до ее заселения другими народами, очевидна и ни сомнению, ни подтверждению не подлежит. Для членов общины неудэ-

гейцев при попытке заговорить с ними об этом возникает конфликт интересов, поскольку они сами являются представителями этого «другого» народа-захватчика, хотя по факту целиком приняли культуру и образ жизни коренного населения и готовы защищать его интересы часто более эффективно и грамотно, чем сами удэгейцы. Вопрос непрерывности в этой формуле члены общины обычно понимают расширительно, будучи убеждены, что временное отсутствие кого-то из них на территории в связи с учебой, командировками, воинской службой и по иным причинам даже на длительное время не должно считаться разрывом связей с территорией и с общиной.

Удорские коми (удорачи) — коренное население верхней части бассейна р. Мезень и ее притока Вашка. Предки нынешних жителей основали по берегам этих рек села и деревни, существующие уже на протяжении нескольких столетий. Например, первое письменное упоминание об удорском селе Важгорт на р. Вашка, притоке Мезени, относится к 1490 году. Несколько позже появились села и деревни на Верхней Мезени: известно, что вплоть до начала XVII века эта территория использовалась в основном как промысловая с отдельно расположенными охотничьереболовыми жилищами. Населенные пункты как места постоянного жительства стали появляться на Верхней Мезени на рубеже XVI-XVII веков, когда население параллельно с охотой и рыболовством занялось земледелием. Например, село Большая Пысса основано в 1600 году. Примерно в это же время или раньше появилось село Черныб (Чернутьево), которое впервые упоминается в Писцовой книге 1608 года. Деревня Патраково известна с 1646 года, деревня Мучкас — с 1678 года. Ныне живущее в селах и деревнях Удорского района население — это потомки первых поселенцев, основателей этих населенных пунктов, что прослеживается в том числе по наиболее распространенным в районе фамилиям: известно, что село Пысса основали некие Андрейко и Логинко, соответственно Логинов и Андреев (до настоящего времени распространенные здесь фамилии). Таким образом, и историческая память народа, и письменные источники подтверждают исторически непрерывную связь сегодняшних жителей этих населенных пунктов с сообществами удорских коми, проживавшими на этой территории на протяжении нескольких веков. Следует отметить также, что переезд человека (семьи) на новое место жительства из одного села в другое или даже в поселок, а также временное отсутствие на территории по каким-то причинам (служба в армии, учеба, работа за пределами села или даже района) община не считает разрывом связей с территорией и с сообществом коренного народа.

© А. Логинов

Село удорских коми (удорачи)

Таким образом, для всех трех рассматриваемых групп (общин) очевидна исторически непрерывная связь с сообществами данного народа, проживавшими на этой тер-

ритории до ее заселения другими народами и (или) на протяжении нескольких веков.

Можно сделать вывод о том, что первым двум критериям все три описываемые общины полностью соответствуют.

КРИТЕРИЙ 3 — ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ ТЕРРИТОРИИ КАК ИСТОЧНИКА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

Охотники **общины «Токма»** (за исключением тех, кто получает пенсию) не имеют иных средств к существованию, кроме своего основного промысла — добычи и реализации соболиных шкур, которые продаются ими либо на аукционе, либо перекупщикам, приезжающим по зимнику. Основное пропитание — рыбу и мясо — жители Токмы добывают также на охоте и рыбалке. Сбор дикоросов обеспечивает снабжение витаминами. Рабочие места в Токме есть только в администрации (один человек), на почте (один человек), в магазине (один человек), на взлетной полосе (один человек, он же на метеостанции), в фельдшерском пункте (один человек), на дизельной электростанции (один человек). На заработки «на сторону» из села ездит только один человек: Токма — удаленное поселение, туда можно попасть либо на самолете, который летает раз в две недели, либо по зимнику (несколько месяцев в году). Зависимость людей от природных ресурсов как источника жизнеобеспечения очевидна.

Удэгейцы, в том числе и члены **общины «Буа Хони»**, продолжают систематически заниматься традиционными видами природопользования — рыбалкой, охотой, заготовкой дикоросов и дров. Но это все-таки *не способ жизнеобеспечения, а скорее привычка, традиция*. К примеру, рыбы в р. Иман (Большая Уссурка) даже в разрешенных для КМНС объемах наловить невозможно — экосистема существенно нарушена многолетним сплавом леса и золотыми приисками в советские времена. Так что в необходимом для жизнеобеспечения объеме рыбы просто нет. В Приморье раньше был выход из этой ситуации: обеспечение «безрыбных» общин рыбой доверяли одной общине в прибрежном Ольгинском районе, специализирующейся как хозяйствующий субъект на промысле лососевых в нерестовых реках. Однако в последние 2-3 года и этого нет — община может получать свободные рыболовные участки только в своем районе и лишена права заключать соглашения с общинами других районов. В сущности, традиционного питания в виде рыбы удэгейцы «Буа-Хони» лишены совсем.

Что касается дров, удэгейцы поставлены законодательством в равные условия с остальным местным населением. Льготы для удэгейцев здесь остаются под вопросом: в целом проблема обеспечения дровами решается, но ценовые или транспортные льготы для общины остаются предметом дискуссий с лесничеством и муниципалитетом.

Если говорить об охоте, угодья для нее в этом таежном районе власти обычно раздают более «удобным» или «уважаемым» людям, в том числе не удэгейским членам удэгейских общин. Удэгейцы и полукровки в их числе — скорее исключение. Традиционная охота и ее ресурсы, прежде всего мясо, — один из самых болезненных вопросов для общин, которые сталкиваются здесь с прямым произволом властей и притеснением КМНС со стороны других членов своей же общины или других общин, имеющих большее влияние в структурах власти. Проблема даже не в получении угодий, а больше в реализации коренной охоты по лицензиям.

Оценивая важность традиционного природопользования для общин, нужно учесть, что государство воспринимает общины как очаги сохранения культуры народа, недооценивая их возможную роль в жизнеобеспечении людей, а для самих удэгейцев общины — субъекты товарного хозяйства, которые неизбежно оказываются в невыгодных конкурентных условиях с другими природопользователями. Это самый деликатный и болезненный вопрос для членов общины, которые считают, что их официальная работа в компаниях, учреждениях или свой бизнес *не лишает их законного права требовать реализации привилегий и приоритетного доступа к традиционным биоресурсам территории (рыба, животный мир, орехи, дрова), несмотря на то что заготовка этих ресурсов почти ни для кого не является прямым актом жизнеобеспечения*.

На сегодняшний день единственный экономически значимый для удэгейцев вид традиционного природопользования, приносящий раз в 4 года приличный доход в семью, — это заготовка кедрового ореха, в которую в последние годы вовлечен ряд общин и удэгейцев разных районов края в рамках крупных коммерческих инициатив. Заготовка ореха регламентирована для всех местных жителей краевым законом в рамках публичного сервитута, т. е. ограничена лишь сроком, способами сбора, но не количеством. Это важный источник ежегодного дохода всех таежных семей, включая семьи членов общины. Если считать жизненно важным для семей, как правило многодетных, получение дополнительного дохода от орехов в 30–60 тыс. руб. и более раз в 3-4 года, то это и есть сохраняющаяся форма традиционного жизнеобеспечения общины. FSC-сертифицированным компаниям Приморья, в частности Красноармейского района, этому виду природопользования коренных общин следует уделить особое внимание.

На территории проживания сообщества удорачей, объединенных в **общину «Удорачи»**, охота на протяжении нескольких столетий была одним из основных видов хозяйственной деятельности населения. И этот вид деятельности жителями удаленных деревень Удорского района сохранен до наших дней. Более того, в последние десятилетия, в условиях массовой сельской безработицы после ликвидации советских совхозов и леспромхозов, актуальность традиционного лесопользования для жизнеобеспечения населения — в сравнении с советским периодом, когда сельчане работали в совхозах и леспромхозах, — существенно возросла. Это подтвердил инициированный лидерами общины опрос (интервьюирование) местных жителей, занимающихся традиционным лесопользова-

© А. Логинов

Удорачи на охоте

нием, проведенный в десяти селах и деревнях района в 2009 году. Опрос показал, что для значительной части семей традиционная охота, основанная на обычном праве, по-прежнему актуальна не только как элемент традиционной культуры, но и как источник жизнеобеспечения.

Во все времена важное значение для удорских коми имел еще один вид традиционной хозяйственной деятельности — рыбный промысел. С учетом многодетности большинства крестьянских семей рыба была основным средством пропитания, на сторону сбывались небольшие излишки. В настоящее время жизнеобеспечивающая роль рыбного промысла в какой-то мере утрачена, в том числе в связи с существенным сокращением биоресурсов рек, но своего значения, в частности как один из важных источников пропитания местных жителей, рыбный промысел не потерял.

По итогам опроса охотничьи путики используются жителями сельского поселения Чернутьево с примыкающими деревнями Мелентьево и Мучкас практически круглый год, летом — для сбора дикоросов (грибы и ягоды), но чаще всего осенью (в сентябре и октябре) по 2-3 раза в неделю с целью охоты в основном на глухаря и рябчика, зимой — на зайца и куницу. В деревне Мелентьево, где на момент опроса проживало 14 семей, из девяти опрошенных только трое имели работу, один являлся инвалидом, пятеро были безработными.

Из 40 опрошенных жителей сельского поселения Большая Пысса, занимающихся традиционным природопользованием, только 7 человек были на момент опроса трудоустроены и имели постоянную работу, 13 человек — неработающие пенсионеры, 20 — люди трудоспособного возраста, не имеющие постоянной работы и соответствующего дохода. Традиционным промыслом (охотой) опрошенные занимаются от 15 до 180 дней в году — в зависимости от занятости на основной работе или от отсутствия таковой. Из 40 опрошенных только у четверых нет родовых охотничьих угодий — традиционных путиков и охотничьих избушек.

В сельском поселении Большая Пысса с примыкающими деревнями в год на одного охотника в среднем было добыто крупной дичи по 13 шт., мелкой (преимущественно рябчика) — по 16, уток разных — по 28 шт., мяса диких животных — в среднем по 42 кг. Рыбы добыто на одного опрошиваемого в среднем по 63 кг.

Эти и другие факты подтверждают, что традиционные промыслы, прежде всего охота и рыболовство, а также сбор дикоросов, и в настоящее время занимают важное место в жизнеобеспечении жителей удаленных сел и деревень Удорского района. Значительная часть семей, проживающих в удаленных деревнях и селах, зависима от природных ресурсов территории как источника жизнеобеспечения.

Из сказанного выше следует, что **все рассматриваемые общины, хотя и в разной степени, зависимы от природных ресурсов, в том числе от ресурсов леса как источника жизнеобеспечения.** При этом члены общины «Удорачи» — этнографической группы коми, в российском правовом поле статуса коренного народа не имеющего, даже более зависимы от природных ресурсов в сравнении, например, с общиной удэгейцев «Буа Хони». Объясняется это, судя по всему, тем, что члены общины «Буа Хони» живут в экономически хорошо освоенном Красноармейском районе, в селе Рошино, которое, по сути, является крупнейшим в районе и на всем Северном Приморье поселком лесопромышленников (оно и появилось в 1931 году как поселок лесозаготовителей). Здесь кроме ОАО «Рошинский комплексный леспромхоз» базируется с десяток более мелких компаний, в которых трудоустро-

ны многие члены удэгейской общины, другие же работают в торговле, муниципальных и государственных структурах, кто-то имеет свой мелкий бизнес. Члены же общины «Удорачи», напротив, живут преимущественно в небольших удаленных селах и деревнях района, где практически нет рабочих мест. И хотя на территории Удорского района промышленные лесозаготовки велись еще с досоветских времен, в советское время и продолжают сейчас, лишь единицы из нынешних жителей старинных сел и деревень коренного народа заняты в этой отрасли.

КРИТЕРИЙ 4 — ОБРАЗ ЖИЗНИ, СПОСОБСТВУЮЩИЙ ПОДДЕРЖАНИЮ И ВОСПРОИЗВОДСТВУ ТРАДИЦИОННОЙ ДЛЯ ДАННОГО НАРОДА СРЕДЫ ОБИТАНИЯ И САМОБЫТНОГО УКЛАДА ЖИЗНИ, ОСНОВАННОГО НА ТРАДИЦИОННОМ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИИ

Для общины «Буа Хони» и сравнительно хорошо освоенной территории ее проживания сохранение традиционного уклада, основанного на охоте и рыболовстве в реках, давно стало историей, а сам уклад в смысле регулярных выходов в тайгу и на реку — просто привычкой, свойственной всем жителям таежных сел, не считая походов за орехами по осени, которые в селах района являются и массовым способом легального добавочного заработка, и традиционным образом жизни, и способом воспроизводства лесов, поскольку часть урожая лесничества скупают у населения в качестве семян для питомников.

© А. Лебедев

Удэге. Подготовка к обряду, с. Вострецово

На территории проживания членов общины «Токма» в районе одноименного села русские появились значительно позже эвенков: активное заселение произошло лишь в XX веке. Но история соседства народов более чем трехвековая. Эвенки и русские старожилы определили региональное своеобразие токминцев. В результате аккультурации эвенки, проживающие в южной части Катангского района, приняли оседлый образ жизни, но по-прежнему охота остается для них средством самообеспечения. Русские, в свою очередь, приняли традиции эвенков в охотничьем хозяйстве и рыболовстве, приспособившись к суровым погодным условиям. Так на протяжении более чем трех веков сложились общие традиции людей, имеющих охотничьи угодья в Катангском районе: и сейчас по-прежнему охотники уходят в лес на много месяцев либо рыбачат, а женщины берут на себя заготовку дров, сбор дикоросов и обеспечение домашнего очага.

Община «Удорачи», как заявлено в ее Уставе, объединяет жителей сел и деревень района, занимающих-

ся традиционным природопользованием, которые объективно заинтересованы в поддержании и воспроизводстве традиционной для них среды обитания.

Как известно, неистощительность традиционного природопользования для экосистем и ресурсов — вопрос спорный. Очевидно, степень этой неистощительности следует связывать с количеством проживающего на данной территории и пользующегося ее ресурсами населения. Прежде всего невысокая плотность заселения территории позволяла на протяжении столетий заниматься местным сообществом охотой и рыбной ловлей, не оказывая при этом критичного пресса на природные ресурсы. Однако нельзя не отметить также и субъективный момент, связанный со сложившейся веками охотничьей этикой — неписаными правилами поведения, нравственными обязательствами охотника по отношению и к окружающей природе, и к односельчанам, таким же охотникам. Эти правила закладываются в сознание охотника с малолетства, передаются от отца к сыну вместе с родовыми охотничьими угодьями. Как следует из результатов упомянутого выше опроса, в удорских деревнях почти 90 % проинтервьюированных охотников приобщились к охоте с самого раннего детства (некоторые отцы брали на путик уже с 6-7 лет!), познавая вместе с охотничьими секретами и неписанные правила поведения. Многие из местных охотников говорили интервьюеру, например, о том, что предпочитают не охотиться в весенний период, «чтобы не мешать разведению потомства», и посещают весной путик лишь с целью проверки избушки. Но, к сожалению, нельзя не отметить также, что менталитет части местных жителей со временем меняется: некоторые члены местного сообщества допускают перелов, ведут истощительное пользование, так как не ощущают себя хозяевами в лесу и на реке, не осознают своей ответственности за состояние ресурсов.

«Примеряя» критерий 4 к жизни и деятельности общины коренного народа «Удорачи», следует учитывать и то, что община не ставит целью извлечение прибыли и не распределяет полученную прибыль между учредителями, т. е. товарный аспект деятельности, который со временем неизбежно приводит к истощению ресурсов, здесь практически отсутствует.

Исходя из сказанного выше, можно утверждать, что **и критерию 4 рассматриваемые общины соответствуют, хотя и в разной степени.**

КРИТЕРИЙ 5 — НЕДОМИНАНТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ

В Токме и на территории охотничьих угодий **общины «Токма»** остались жить всего 40 человек, охотников с их семьями. В общину официально входят только мужчины-охотники, но блага распределяются на всех. Женщины, хотя и не являются официально членами общины, ощущают себя ее частью. Токма-сообщество, оторванное от городов и районных центров, ее немногочисленные жители, даже если бы и захотели, не смогли бы быть доминантной группой общества. Доминантные группы на этой территории образуют лесозаготовительная и нефтедобывающая компании, но никак не представители охотников и рыбаков.

Для членов **общины «Буа Хони»**, как и в целом для удэгейцев района, осознание себя и всей общины как недоминантной группы местного общества вполне естественно, традиционно и, надо признать, унижительно. Большинство членов общины, особенно молодежь, пользующаяся интернетом, прекрасно сознает, что это — земля их предков вместе со всеми ресурсами и что чиновники, распределяющие квоты и разрешения на добычу и промысел, должны просить на это разрешения у коренных

жителей, а не наоборот, как происходит на самом деле. Такое *самосознание ущемленности в правах, вызванное у удэгейцев, как правило, произволом чиновников и полнотью коммерческой ориентацией законов и регламентов, присутствует у всех коренных удэгейцев.* Хотя говорить об этом они всячески избегают. Тайга учит этих людей молчанию и неконфликтности, это у них в генах. Отчасти поэтому при создании общин они сознательно вовлекают грамотных и активных русских и других, разделяющих их боль и способных идти на конфликт с властью в борьбе за ущемленные права общин. Как одну из форм унижения КМНС в общине воспринимают то, что их часто приглашают на праздничные краевые мероприятия, где нужно *показать наличие КМНС* в крае, с оплатой проезда и гостиниц. Но когда речь заходит о доступе к ресурсам, охотничьих лицензиях и рыбацких квотах, удэгейцы становятся помехой более важному бизнесу.

Удорачи, удорские коми, на уровне своих сельских поселений пока не ощущают себя недоминантной группой общества, поскольку абсолютное большинство жителей в селах и деревнях — коми. Имеет значение и то, что в Удорском районе, как и в других сельских районах республики, сохранено местное самоуправление на уровне сельских поселений.

Однако при решении вопросов на уровне района удорачи уже не чувствуют себя доминантной группой общества. Еще очевидней эта недоминантность сообществ коренного народа заметна на республиканском уровне. Доказательство тому — многие решения Госсовета Коми, принимаемые зачастую в интересах компаний и ущемляющие права сообществ коренного народа. Сообщества коренного народа коми, в том числе община «Удорачи», считают, что они, проживая на исконных землях своего народа, ущемлены в правах на управление этой территорией, на пользование ее ресурсами.

Все три рассматриваемых сообщества соответствуют критерию 5 — занимают недоминантное положение в обществе: не участвуют в управлении территорией, на которой проживают, не вовлечены в принятие решений, связанных с использованием ее ресурсами, — хотя бы потому, что эти решения принимаются даже не на уровне района, а тем более не на уровне сельской общины.

Следует отметить, что, в отличие от предыдущей версии стандарта лесопользования (FSC-STD-RUS-V6-1-2012), в новом стандарте лесопользования указано, что к сообществам коренного народа относятся группы людей, удовлетворяющие **всем пяти критериям** одновременно. При этом, на наш взгляд, все же можно утверждать, что **первые два критерия — ключевые, основополагающие для признания группы людей сообществом коренного народа,** поскольку остальным критериям — *зависимость от природных ресурсов территории, образ жизни, способствующий поддержанию и воспроизводству традиционной среды обитания и самобытного уклада жизни, недоминантное положение в обществе* — могут соответствовать и некоторые местные сообщества, не являющиеся сообществами коренных народов.

Следовательно, если рассматриваемая группа людей не соответствует первому и второму критерию, то эту группу компаниям нужно рассматривать как местное сообщество (работать с ней по Принципу 4). И только при соответствии группы первым двум критериям есть смысл выяснять, применимы ли к ней остальные критерии и нужно ли относить данное сообщество к зависимым от лесных ресурсов сообществам коренного народа (соответственно, работать с ним по Принципу 3).